

RU

Коммуникативная установка/интенция и информационная структура диалогических единств с эллиптизированными компонентами (на материале английского языка)

Алимурадов О. А., Агиева А. Б.

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении корреляции коммуникативной установки/интенции участников диалога и информационной структуры диалогических единств с эллиптизированными компонентами. В статье рассматриваются понятия коммуникативной установки и коммуникативного замысла, их связь с феноменом коммуникативной интенции, характеристики тема-рематической структуры диалогических единств. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые на материале английского языка подробно описана и систематизирована тема-рематическая структура диалогических единств, включающих эллиптизированные компоненты. В ходе работы уточняется роль эллипсиса в реализации коммуникативной установки говорящего на трансляцию рематической информации на материале англоязычных диалогических единств, представленных в англоязычной художественной прозе второй половины XX в. Авторами анализируются тема-рематические диалоговые единства, представляющие собой повествовательные дву-членные диалоги, в которых зачин имеет двусоставную структуру и являет собой тему, а итоговая реплика, эллиптическая по своей структуре, репрезентирует рему. В результате исследования установлено, что эллиптизированные реплики являются регулярными выразителями ремы диалогических единств и способствуют его информационному развитию, реализуя интенции и коммуникативные установки участников диалога. Только в случаях крайней автономности реплик диалог может быть рассмотрен как полностью тематический с потенциально возможной ремой.

EN

Communicative attitude/intention and the information structure of dialogic units with elliptical components (based on the English language)

O. A. Alimuradov, A. B. Agieva

Abstract. The objective of this research is to identify the correlation between the communicative attitude/intention of dialogue participants and the information structure of dialogic units containing elliptical components. The article examines the concepts of communicative attitude and communicative intent, their connection to the phenomenon of communicative intention, and the characteristics of the theme-rheme structure of dialogic units. The scientific novelty of the research lies in the fact that it is the first detailed description and systematization of the theme-rheme structure of dialogic units including elliptical components, based on English language data. The study clarifies the role of ellipsis in realizing the speaker's communicative attitude towards transmitting rhematic information, drawing upon English-language dialogic units found in English-language fiction from the second half of the 20th century. The authors analyze theme-rheme dialogic units that constitute narrative two-part dialogues, wherein the opening remark has a two-component structure, representing the theme, while the concluding remark, elliptical in its structure, represents the rheme. The results of the research indicate that elliptical remarks are regular expressions of the rheme of dialogic units and contribute to their informational development, realizing the intentions and communicative attitudes of the dialogue participants. Only in cases of extreme autonomy of the remarks can the dialogue be considered fully thematic with a potentially possible rheme.

Введение

Актуальность исследования коммуникативной установки/интенции и информационной структуры диалогических единиц с эллиптизированными компонентами обусловлена необходимостью глубокого понимания

механизмов экономии речи при устном взаимодействии. Эллипсис, как один из ключевых способов сокращения объема высказывания, играет важную роль в поддержании динамики диалога, обеспечивая его спонтанность, когерентность и коммуникативную эффективность. Анализ эллиптических конструкций с позиций коммуникативной интенции позволяет выявить стратегии передачи информации, основанные на кооперации участников речевого акта и их совместном контекстуальном или фоновом знании. Изучение информационной структуры подобных единиц, в частности распределение темы и ремы, фокуса и предиката, раскрывает, как недостающие компоненты компенсируются в процессе интерпретации и как организуется новое и имеющееся знание в условиях неполной синтаксической структуры. Предлагаемое исследование имеет теоретическое и прикладное значение для лингвистики дискурса, прагматики, когнитивной лингвистики и разработки систем компьютерного понимания и анализа естественного языка.

В настоящей статье речь пойдет об одном из наиболее значимых понятий, характеризующих диалог и его тематическую структуру с антропоцентрических позиций, т. е. с позиций его участников, – о коммуникативной установке (термин «интенция» зачастую употребляется как синоним термина «установка», об этом далее).

Изучение коммуникативной установки и информационной структуры диалогических единств с эллиптизированными компонентами обусловлено их ключевой ролью в эффективной вербальной коммуникации. Эллиптические формы, такие как краткие ответы (*yes, nope, sure, tomorrow night, with my wife* и др.), позволяют минимизировать смысловую избыточность, опираясь на контекстуальные пресуппозиции и когнитивный багаж собеседников. Это отражает специфику динамической диалогической речи, где актуализация информации строится на принципах экономии и точности.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать понятия коммуникативной установки/интенции и коммуникативного замысла;
- отобрать и систематизировать фрагменты диалогической речи (диалогические единства);
- определить тема-рематическую структуру и специфику англоязычных диалогических единств, включающих эллиптизированные компоненты.

Материалом исследования послужили диалоги из произведений авторитетных англоязычных авторов второй половины XX века, в частности таких, как Э. Бонд, М. Газзо, Г. Грин, Г. Ливингс, У. С. Моэм, Н. Монсаррат, А. Мердок, Дж. Осборн, А. Оуэн и др. Общее количество проанализированных диалогических контекстов составило около 850.

Теоретическую базу исследования составляют работы в области дискурса и речевой коммуникации, диалогических единств (Абдельхамид, Алефиренко, Чумак-Жунь, 2023; Афиногенова, Павлова, 2012; Белецкая, 1999; Гаузенблаз, 1978; Гусев, 2009; Ерофеева, 2023; Карасик, 2008; Леонтьев, 1969; Основы теории..., 1974; Мощева, 2011; Никитина, Откупщикова, 1975; Порус, 2009; Третьякова, 2009; Чахоян, Невзорова, 1986; Häsner, 2004; Sanders, 2012; Stone, 2002), тема-рематической организации высказывания/предложения и синтаксиса в целом (Адмони, 1973; Михайлов, 1994; Слюсарева, 1986; Harman, 1976), а также эллипсиса (Реунова, 2000; Яковлева, 2021; Merchant, 2004; Wei Chen, 2016).

Для проведения исследования специфики коммуникативной установки/интенции и информационной структуры диалогических единств с эллиптизированными компонентами в данной статье применяются методы аспектной выборки диалогических единств, маркированных эллипсисом, их тематической классификации и систематизации, дисциплинарные лингвистические методики синтактико-смыслового анализа для установления тема-рематических отношений в диалогических единствах, элементы лингвокогнитивного моделирования.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в практике преподавания английского языка, в рамках теоретических и практических курсов, посвященных вопросам внутриязыковой и межкультурной коммуникации, семантического синтаксиса германских языков.

Обсуждение и результаты

Категория коммуникативной установки или замысла является одним из ключевых понятий для анализа диалога и его информационной структуры, так как именно она, по мнению М. М. Бахтина, определяет «целое высказывание, его объем и границы» (1986, с. 256), равно как и тональность диалогической коммуникации (о связи коммуникативной тональности и установки см. подробнее работу В. И. Карасика (2008)). С точки зрения М. М. Бахтина, «в каждом высказывании – от однословной бытовой реплики до больших, сложных произведений науки или литературы – мы охватываем, понимаем, ощущаем коммуникативный замысел или речевую волю говорящего, определяющих целое высказывание, его объем и его границы. Мы представляем себе, что хочет сказать говорящий, т. е. понимаем его коммуникативный замысел. Этот замысел определяет как выбор предмета, так и границы, и его предметно-смысловую исчерпанность» (1986, с. 270).

В концепции М. М. Бахтина понятие замысла (смыслового центра, логического предиката транслируемой в рамках диалога информации) вырастает из его теории личности: «Положения теории М. М. Бахтина и концепция личности как отношения Я к Другому позволяют предположить, что диалогичность мышления и высказывания переходит в их диалектичность, поскольку в мышлении связываются по меньшей мере субъекты Я и НЕ-Я, и тем самым объединяются две нетождественные сущности. НЕ-Я, или Другой, как адресат и как наадресат предложения-высказывания и слова присутствуют во всей их структуре, во всем их смысле. Но помимо того, Другой связывается в некое единство с субъектом Я, и это единство в свою очередь включается

в субъект мысли, который в рамках единого целого оказывается противопоставленным предикату» (Тарасова, 1992, с. 104). Для М. М. Бахтина лингвистическая, языковая сторона диалога представляет собой лишь средство достижения цели и реализации замысла, коррелирующего с внеязыковой, истинно диалогической стороной высказывания, для которого диалогичность выступает имманентной характеристикой (Sanders, 2012). Здесь исследователь проводит четкую грань между объяснением, которое предполагает только одно сознание, одну личность, и пониманием, осмыслением, в котором неизменно участвуют два сознания, две личности, вступающие между собой в диалог. Образы, языковые приемы, используемые в произведении, находясь в диалогическом отношении, которое не может быть сведено ни к чисто логическому (пусть даже диалектическому), ни к чисто лингвистическому (композиционно-синтаксическому) (Friedman, 2005, p. 37).

Интерпретация коммуникативных установок участников диалога на основе различных алгоритмов, включая алгоритмы инференции, формирует базис для характеристики диалога с лингвориторических позиций (Breitholtz, 2020, p. 7), с позиций лингвопоэтики (Häsner, 2004; Абдельхамид, Алефиренко, Чумак-Жунь, 2023) и выводит на анализ диалогических импликаций, способствующих как репрезентации, так и воссозданию авторского замысла (Levinson, 2000).

Речевой замысел, согласно М. М. Бахтину, есть «субъективный момент высказывания – сочетается в неразрывное единство с объективной предметно-смысловой стороной его, ограничивая эту последнюю, связывая ее с конкретной ситуацией речевого общения, со всеми индивидуальными обстоятельствами его, с персональными участниками его, с предшествующими их выступлениями – высказываниями» (1986, с. 256). В такой трактовке понятие речевого замысла выступает одним из краеугольных для концепции рациональной коммуникации – такой, в рамках которой участники диалога приходят к осознанию того, что их «смысловые каркасы не общезначимы», что имеет место определенный плюрализм коммуникативных установок, но при этом диалог продолжается в формате согласования собеседниками правил языковой игры посредством различных, но равноценных систем аргументации (Порус, 2009, с. 17). С. С. Гусев справедливо замечает, что говорящие наиболее полно и рельефно осознают собственные цели и установки только тогда, когда фиксируют «ответную реакцию своих собеседников на передаваемое им сообщение» (2009, с. 94), вследствие чего говорящему зачастую приходится оперативно корректировать свои исходные установки и стратегии их реализации. Здесь важно подчеркнуть, что установка (интенция) говорящего реализуется именно посредством определенных коммуникативных стратегий. Коммуникативная стратегия предполагает выбор только пригодных для данной речевой ситуации моделей речевого поведения, иными словами, «коммуникативных схем». По мнению О. Д. Белецкой (1999), выбор коммуникативных схем зависит от коммуникативной ситуации и характера отношений в соответствующей социальной среде, с одной стороны, и, с другой стороны, от коммуникативных установок и эмоциональных состояний самих языковых личностей. Данное положение значимо для объяснения выбора говорящего в пользу эллиптизации компонентов диалогического единства для достижения максимальной концентрации рематической информации в рамках формальной репрезентации.

Таким образом, в контексте сказанного вполне обоснованным представляется и мнение Р. Карнапа о том, что основной установкой при создании того или иного высказывания становится не столько отражение в нем состояния дел в действительности (т. е. пропозициональная структура высказывания необязательно должна соответствовать положению дел в реальности), сколько выстраивание пропозиции высказывания, его интенционального содержания таким образом, чтобы наиболее эффективно развить коммуникативную ситуацию (Carnap, 1947, p. 30); см. также обсуждение корреляции пропозиционального и смыслового содержания высказывания в работе (Алимурадов, 2006).

Наряду с понятием «речевой замысел» М. М. Бахтин употребляет и другие термины: «намерение», «интенция», «задание говорящего», при этом не уточняя границы, объем и сферу их применения. Поскольку термины «коммуникативный замысел» и «интенция» являются, по нашему мнению, важнейшими и наиболее релевантными для метаязыка анализа диалогической коммуникации, рассмотрим некоторые из существующих концепций и дефиниций более подробно.

О. И. Москальская еще в 1980 г. справедливо подчеркивала, что существующие «лингвистические дисциплины не могут <...> предложить единой классификации коммуникативных интенций и реализующих их речевых форм и тем более такой классификации, которая в непереработанном виде могла бы быть положена в основу анализа текста с позиций синтаксической семантики» (1980, с. 37). Это замечание справедливо и сегодня: исследователи рассматривают проблемы «замысла», «интенции» (в частности, так называемой «генеративной» и «интерпретативной» интенции) в диалоге с самых разных позиций; при этом наблюдаются неоднородные методологические подходы, употребляются различные термины (Занина, Ачкасова, 2013; Алимурадов, 2003; Афиногенова, Павлова, 2012; Мощева, 2011; Stone, 2002).

Нередко можно встретить работы, в которых между коммуникативной целью (целью общения) и интенцией говорящего ставится знак равенства (Ерофеева, 2023, с. 62). С другой стороны, Л. П. Чахоян и Г. Д. Невзорова (1986) подчеркивают, что коммуникативная интенция конституирует установку говорящего, лежащую в основе создания речевого произведения, в то время как цель коммуникации представляет собой более глобальный феномен.

Еще в 30-е гг. прошлого века В. Г. Адмони упоминал о «познавательной установке говорящего». При этом ученый указывал на связь установки говорящего и используемых им языковых форм, поскольку речь идет о влиянии настроения говорящего на условия выбора того или иного логико-грамматического типа предложений (Адмони, 1973, с. 193). Коммуникативная установка говорящего – важнейший фактор, определяющий информационное членение как отдельного высказывания, так и целого диалогического единства (далее – ДЕ):

«Тема-рематический анализ позволяет моделировать особые смысловые отношения, определяемые коммуникативным намерением говорящего и четко выступающие в синтаксических конструкциях, не обремененных морфологическими показателями. <...> Говорящий, строя свое высказывание, соотносясь с законами данного языка, сам определяет фокус контраста в этих парах и распределяет языковой материал с ориентацией на такую осведомленность слушающего (воспринимающего), какую он, говорящий, представляет сам себе» (Слюсарева, 1986, с. 7).

Введенный в лингвистический обиход «принцип взаимодействия» участников коммуникативного процесса «прямо предполагает координацию коммуникативных установок партнеров, принимающих активное участие в структурировании речи, в управлении коммуникативным процессом» (Михайлов, 1994, с. 135). Коммуникативную интенцию Л. М. Михайлов связывает с вербализуемым высказыванием – шагом, ходом. В этой связи он подчеркивает: «Коммуникативная интенция, заложенная в иницирующем высказывании ДЕ, задает в этом микротексте коммуникативную целостность» (Михайлов, 1994, с. 153). Свойство коммуникативной (а следовательно – смысловой) целостности ДЕ проявляется в очень значительной степени в частотном использовании в нем эллипсиса, который как раз и сигнализирует о высокой смысловой сочлененности компонентов ДЕ (Реунова, 2000); иными словами, тенденция к эллиптизации заложена в самой природе диалогической речи (Яковлева, 2021).

Предпринятый нами краткий обзор работ, в которых обсуждаются проблемы «замысла» (установки) и «интенции», показывает, что большинство исследователей понимает под установкой или замыслом нечто задуманное, пока еще невербализованное, не оформленное коммуникативно, но оказывающее решающее влияние на последующее построение диалога. Коммуникативный замысел – это то, что хочет сказать автор, т. е. то, с какими целями, задачами и намерениями он вступает в диалог. Реализация же замысла происходит в высказывании, которому присуща более частная интенция, коррелирующая с общим замыслом.

В психолингвистическом понимании коммуникативная (или речевая) интенция может быть обусловлена двумя группами факторов: факторами, обуславливающими ее *возникновение* у говорящего, и факторами, определяющими закономерности и алгоритмы ее *реализации*. К первой группе принято относить мотивацию как комплекс мотивов, обуславливающих принятие говорящим решения о необходимости осуществления речевого действия; обстановочную афферентацию, т. е. совокупность внешних воздействий, определяющих оптимальную реакцию говорящего в контексте конкретной мотивации; вероятностный опыт, позволяющий осуществить прогнозирование развития коммуникативной ситуации при условии ее возникновения; задачу действия – «ограничения, налагаемые на выбор действия деятельностью как целым» (Основы теории..., 1974, с. 31); см. также труд (Леонтьев, 1969). Вторая группа факторов включает в себя степень владения тем языком, на котором говорящий предполагает оформить высказывание; функционально-стилистический фактор, определяющий «выбор оптимальных языковых и речевых средств из ряда потенциальных возможностей, предоставляемых языком»; социолингвистический фактор, сводящийся к учету социальных ролей участников коммуникации; параметр аффективности, определяющий экспрессивную нагрузку планируемого высказывания; разнообразные компоненты речевой ситуации, включающие индивидуальный речевой опыт коммуникантов (Основы теории..., 1974, с. 33). Нам представляется, что факторы второй группы в совокупности обуславливают эллиптичность фрагментов коммуникации.

Эллипсис является строевым элементом текста (в том числе – диалогического) и одним из самых типичных репрезентантов ремы (Реунова, 2000). В лингвистической литературе неоднократно отмечалось, что эллипсис выступает значимым маркером интерактивного характера коммуникации, обеспечивая экономию языковых средств и позволяя в конденсированной форме выразить информацию, представляющуюся говорящему наиболее важной и релевантной (Merchant, 2004; White, 2013; Wei Chen, 2016). Вместе с тем эллипсис (в том числе и в рамках диалогического единства) недопустим и препятствует развитию коммуникации, если эллиптизация высказывания затрагивает те его компоненты, которые репрезентируют рематические информационные компоненты (Третьякова, 2009, с. 105-106). Рассмотрим роль эллипсиса в реализации коммуникативной установки говорящего на трансляцию рематической информации на материале англоязычных диалогических единств, представленных в англоязычной художественной прозе второй половины XX в.

Наиболее характерной моделью анализируемых ДЕ в контексте нашего анализа являются повествовательные двучленные диалоги, в которых зачин имеет двусоставную структуру и являет собой тему, в то время как итоговая реплика, эллиптическая по своей структуре, репрезентирует рему. Такие диалоги могут быть названы **тема-рематическими** (термин наш. – О. А., А. А.). В нашем материале постпозитивные эллиптические предложения передают следующие отношения:

- а) предикативные, например:
 - You must excuse my de'shabile. It's *so hot* this evening, isn't it?
 - *Exceptionally hot and stuffy* (Murdoch, 1971). /
 - Прошу прощения за мое дезабилье. *Жарища* сегодня вечером, не правда ли?
 - *Небывалая жара и духота* (здесь и далее перевод выполнен авторами статьи. – О. А., А. А.);
- б) объектные, например:
 - Splendid surprise being rung up and asked *to a party*.
 - *Not really a party* (Monssarat, 1968). /
 - Прекрасный сюрприз, когда тебе звонят и приглашают *на вечеринку*.
 - *Не совсем вечеринку*.

Интересно отметить структуру зачинной реплики в этом диалоге. До недавнего времени такие предложения также рассматривались как эллиптические. Однако нам представляется более убедительным трактовать структуру таких предложений, полагая, что в них наличествует простое именное сказуемое, выраженное, в нашем случае, причастием I;

в) адвербиальные, например:

- You haven't told him yet.
- **Not yet** (Osborne, 1973). /
- Ты ему *пока* не сказала.
- **Пока нет.**

Следует отметить, что при выражении ремы посредством эллипсиса большое значение приобретает presupposition всего текста. Она включает в себя фонд знаний, которыми обладает каждый из участников коммуникации, а также ситуативный контекст диалога (Кафкова, 1979).

В повествовательных диалогах с постпозитивной эллиптической репликой зачинная реплика представляет собой тему такого диалога. Информация, выраженная в реме, является presupposition (Stalnaker, 1973), так как интуитивно воспринимается как уже сообщавшаяся ранее. Она служит как бы базой для той информации, которая будет сообщена и которая явится ремой такого диалога. Например:

- *This has been a lesson to me, darling. I'm not a fool, Constance. I can learn.*
- **At least prudence, I hope** (Maugham, 1974). /
- Для меня это был хороший урок. Я не дура, Констанс. Я могу учиться.
- **Надеюсь, теперь ты хотя бы не будешь пренебрегать осторожностью.**

В этом диалоге «общий фонд» знаний собеседников находит вербальное выражение посредством указательного местоимения “*This*”, выполняющего функцию соотнесения, или замещения, референта темы.

Такие же отношения характеризуют трехчленные ДЕ с интерпозитивной рематической частью, представленной эллиптической репликой. Например:

- *I can't make head or tail of this lot.*
- **And you won't. No tits.**
- Oh, he's not such a bad idea (Owen, 1963). /
- Я не могу в этом разобраться.
- **И ты не сможешь. Никаких сисек.**
- О, он не такая уж плохая идея.

В данных диалогах presupposition передается, в частности, посредством указательного местоимения “*this*” («это») (Multitran).

В четырехчленных диалогах рема частотно выражается второй или третьей эллиптической репликой. В первом случае тема и presupposition диалога передаются репликой-зачином. Например:

- *I used to like the old musical comedies...*
- **And a good revue.**
- Well, you ain't going to get it, either of you.
- I quite like it when they take all their clothes off (Owen, 1963). /
- Раньше мне нравились старые музыкальные комедии...
- **И хорошее ревю.**
- Ну, вы оба этого не поймете.
- Мне очень нравится, когда они раздеваются догола.

В этом диалоге presupposition вербально представлена определенным артиклем.

Во втором случае тема диалога заключается в зачине и первой дополняющей реплике, что выражается употреблением указательных местоимений. Например:

- *This happen to be my house.*
- *Come off it, Bernard, we're all in this together.*
- **Lucky not to be in court together.**
- No, no, it will not come to that (Livings, 1963). /
- Так случилось, что это мой дом.
- Перестань, Бернард, мы все в этом замешаны.
- **Повезло, что мы не вместе в суде.**
- Нет, нет, до этого не дойдет.

В многочленных диалогах тема выражена репликой-зачином, далее следует рематический центр, представленный несколькими эллиптическими интерпозитивными репликами и получающий свое завершение в итоговой реплике. Например:

- *You are not retired anyway. I don't care what you say.*
- Oh, yes. I am, Marilyn, my love.
- **You're not.**
- **I am.**
- **Not, not, not.** You got to work every day. I've seen you... I can see you when I get up, and I'm taking my nightie off...
- My work in the sanitary is a personal favour to Captain Brotle. And I can leave any time I want, and have my pension back... (Making It All Right, 1978). /

- *Ты все равно не на пенсии. Мне все равно, что ты говоришь.*
- О, да. Я на пенсии, Мэрилин, любовь моя.
- **Ты не на пенсии.**
- **Я на пенсии.**

– **Нет, нет, нет.** Тебе приходится работать каждый день. Я видела тебя... Я вижу тебя, когда встаю и снимаю ночнушку...

– Моя работа в санитарной части – личная заслуга капитана Бротла. И я могу уволиться в любое время, когда захочу, и вернуть свою пенсию...

Таким образом, в плане семантических отношений вышерассмотренные диалоги могут быть квалифицированы как семантико-анафорические, в которых наличие эллиптических реплик мотивировано содержанием предшествующей реплики. Зачинная тематическая реплика пресуппозиционно обусловлена.

В ряде случаев семантическая структура диалогов может быть определена как **рема-тематическая (коммуникативно-катафорическая)**. В таких диалогах первая реплика вводит новую информацию, в которой, однако, имеется намек на содержание последующих реплик. В подобных случаях первая, эллиптическая реплика является выразителем ремы. Последующая реплика выражает тему и пресуппозицию всего диалога, что может подчеркиваться наличием в ней указательных местоимений и элементов анафоры (Арнольд, 1973; Harman, 1976). Например:

- **Oh, money, money, money.**
- *That's how it has always been, when we were married.*
- *That's how it is (Osborne, 1973).* /
- **О, деньги, деньги, деньги.**
- *Так было всегда, когда мы были женаты.*
- *Так оно и есть.*
- **Van Gogh with the miners; Hemigway, hunting.**
- *Even if I knew all about that it wouldn't make it any easier (Osborne, 1973).* /
- **Ван Гог с шахтерами; Хемингуэй на охоте.**
- *Даже если бы я знал об этом все, легче бы от этого не стало.*

Иногда диалог может быть оформлен рематической рамкой. Первая эллиптическая реплика, являясь ремой, выполняет катафорическую функцию, а итоговая эллиптическая реплика, также представляющая рематическую часть диалога, мотивирована содержанием предыдущей реплики. Интерпозитивная часть диалога является его темой и носителем маркеров пресуппозиции. Например:

- **Probably the milkman.**
- *If you're going to turn me out, you'll have to learn to deal with him.*
- **Very well, very well. Certainly** (Murdoch, 1971). /
- **Наверное, молочник.**
- *Если ты собираешься меня выгнать, тебе придется научиться ладить с ним.*
- **Очень хорошо, очень хорошо. Конечно.**

В этом случае маркером пресуппозиции является придаточное предложение, которое сообщает об уже введенных ранее фактах, выражая этим самым суждения пресуппозиции (Гаузенблаз, 1978).

По справедливому замечанию Т. Н. Никитиной и М. И. Откупщиковой (1975), не во всех предложениях связного текста представлено членение на тему и рему. Существуют «только тематические» и «только рематические» предложения. Для таких предложений определить недостающую тему или рему можно только на основе анализа контекста предложения. Основываясь на постулате вышеупомянутых авторов о том, что рема – это то, на основе чего осуществляется связь с последующим текстом, а тема – это то, что осуществляет связь как с предыдущим, так и с последующим контекстом, мы пришли к выводу о том, что в английском языке наряду с тема-рематическими диалогами существуют «чисто» **рематические диалоги**. Такие диалогические единства представлены только эллиптическими репликами. Очевидно, что в подобных случаях фактором понимания темы выступает прагматическая пресуппозиция. Такие диалоги, основой которых являются «предыдущие прагматические знания» (Ю. М. Лотман..., 1994), характерны для неофициальной разговорной речи собеседников, имеющих, как правило, длительный опыт общения в различных ситуациях.

- **From the cow, I hope.**
- **Quite fresh, sir.** Pour it out.
- **Three spoons of sugar** (Maugham, 1968). /
- **От коровы, я надеюсь.**
- **Совсем свежее, сэр.** Налейте.
- **Три ложки сахара.**

Исходя из прагматической референции этого диалога, можно вывести следующую семантическую формулу (утверждение): “*We get milk from the cow*” («Мы получаем молоко от коровы»), из которой явствует, что темой диалога является “*milk*” («молоко»). Однако, как отмечает Г. Карлсон, в языке не всегда наличествует четко эксплицированная прагматическая референция (ср.: «Поскольку наличие намерений, как и сами намерения, не являются частью языка, а составляют лишь свойство говорящего и слушающего, которое может быть воплощено или имплицировано в действии, указание не имеет семантического значения, но вы-

ступает достаточно надежным индикатором конкретных намерений говорящего, которые сами по себе обеспечивают референцию (перевод наш. – О. А., А. А.))» (Carlson, 2006, p. 87). Тем не менее это не снижает значимости прагматической референции в установлении соотношения темы-ремы в связном тексте. Например:

- *Your prayers later.*
- *Not tonight* (Maugham, 1921). /
- *Помолитесь позже.*
- *Не сегодня.*
- *Yours.*
- Thank you (Bond, 1968). /
- *Ваши.*
- Спасибо.

Среди диалогов с эллиптическими репликами нами отмечены также такие, в которых ни одна из реплик не способствует информационной прогрессии диалога и, следовательно, не может рассматриваться как рема. Такие диалоги могут быть названы **«чисто» тематическими**. Например:

- Well, here's to us.
- Good luck.
- Cheers (Greene, 1970). /
- Что ж, за нас.
- Удачи.
- Ваше здоровье.
- It's good weather for drinking.
- *Seems* it's always good weather for that.
- *Cheer up, old girl* (Owen, 1963). /
- Сегодня хорошая погода для выпивки.
- **Кажется**, здесь всегда хорошая погода для этого.
- *Не унывай, старушка.*

В первом тексте реплики характеризуются определенной автономностью. Во втором эллиптическая часть интерпозитивной реплики также в значительной мере независима, так как является достаточной сама по себе для передачи предикативных отношений.

Таким образом, в ходе работы выявлены тема-рематические, «чисто» рематические и «чисто» тематические ДЕ с эллиптическими компонентами, причем первые могут передавать предикативные, объектные и адвербиальные отношения, вторые представлены только эллиптическими репликами, а третьи характеризуются определенной степенью автономности.

Заключение

Таким образом, подытоживая вышеизложенное, можно сделать выводы о том, что коммуникативная установка/интенция и коммуникативный замысел представляют собой близкие по смыслу понятия, подразумевающие то, что хочет сказать говорящий и с какой целью. Коммуникативный замысел определяет как выбор предмета и его границы, так и предметно-смысловую исчерпанность, очерченные конкретной ситуацией речевого общения, всеми его индивидуальными обстоятельствами, персональными участниками, а также предшествующими высказываниями. Коммуникативная установка (интенция) говорящего реализуется посредством определенных коммуникативных стратегий.

Рассматривая информационную структуру ДЕ, следует отметить, что эллиптизированные реплики являются регулярными выразителями ремы ДЕ и способствуют его развитию, реализуя интенции и коммуникативные установки участников диалога. Данные ДЕ представляют собой повествовательные двучленные диалоги, в которых зачин имеет двусоставную структуру и отражает тему, а итоговая эллиптическая реплика репрезентирует ремю. «Чисто» рематические ДЕ представлены только эллиптическими репликами, в которых фактором понимания темы является прагматическая пресуппозиция. Лишь в случаях крайней автономности реплик ДЕ может быть рассмотрено как полностью тематическое с потенциально возможной ремой. В данных диалогах с эллиптическими компонентами ни одна из реплик не способствует информационной прогрессии диалога и, следовательно, не может рассматриваться как рема.

Перспективы исследования состоят в сопоставительном анализе диалогических единиц с эллиптизированными компонентами в английском и немецком языках, в выявлении семантико-грамматических приемов и стратегий перевода данных единств с одного языка на другой.

Материалы исследования | Research materials

1. Bond E. Narrow Road to the Deep North. L.: Methuen, 1968. https://archive.org/details/narrowroadtodeep0000bond_w8v0
2. Greene G. The Living Room. L.: Penguin Books, 1970. https://archive.bookfrom.net/graham-greene/490259-the_living_room.html

3. Livings H. Stop It Whoever You Are. New English Dramatists – 5. L.: Penguin Books, 1963. https://catalog.libfl.ru/Record/BJVVV_277309
4. Making It All Right. Modern English Short Stories. Moscow: Progress Publisher, 1978. <https://www.livelib.ru/book/1000752618-making-it-all-right-modern-english-short-stories-sbornik>
5. Maugham W. S. The Circle. N. Y.: George H. Doran Company, 1921. <https://archive.org/details/circle-comedyinth00maug/mode/2up>
6. Maugham W. S. The Constant Wife. N. Y.: Washington Square Press, 1974. <https://archive.org/details/constantwifecome0000wsom>
7. Maugham W. S. The Sacred Flame. N. Y.: Washington Square Press, 1968. https://archive.org/details/bwb_O7-BHJ-965/mode/2up
8. Monssarat N. The Tribe That Lost Its Head. L.: Pan Books, 1968. <https://archive.org/details/tribethatlostits00nich>
9. Multitran. <https://www.multitran.com>
10. Murdoch I. The Nice and the Good. L.: Penguin Books, 1971. <https://archive.org/details/nicegood00murd>
11. Osborne J. A Sense of Detachment. London: Faber, 1973. <https://archive.org/details/senseofdetachmen0000unse/mode/2up>
12. Owen A. Progress to the Park. New English Dramatists – 5. L.: Penguin Plays, 1963. https://catalog.libfl.ru/Record/BJVVV_277309

Источники | References

1. Абдельхамид С., Алефиренко Н. Ф., Чумак-Жунь И. И. Речевые акты и русский текстопорождающий дискурс // Русистика. 2023. Т. 21. № 1. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-7-17>
2. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка: система отношений и система построения. Л.: Наука (Ленингр. отд-ние), 1973.
3. Алимуратов О. А. Смысл, референция, пропозиция // Язык. Текст. Дискурс: межвузовский научный альманах. 2006. № 4.
4. Алимуратов О. А. Смысл. Концепт. Интенциональность: монография. Пятигорск: ПГЛУ, 2003.
5. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования. Л.: Просвещение (Ленингр. отд-ние), 1973.
6. Афиногенова В. А., Павлова Н. Д. Интенции субъектов общения в повседневном диалоге // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. Т. 2. № 2.
7. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986.
8. Белецкая О. Д. Когнитивно-коммуникативная интерпретация вопросно-ответных единств: дисс. ... к. филол. н. Тверь, 1999.
9. Гаузенблэз К. О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. VIII. Лингвистика текста / сост., общ. ред. и вступит. ст. Т. М. Николаевой.
10. Гусев С. С. Условия эффективности коммуникативных действий // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход / отв. ред. И. Т. Касавин, В. Н. Порус. М.: Ин-т философии РАН, 2009.
11. Ерофеева Е. В. Прагматические аспекты речевых актов различной коммуникативной направленности в современном французском языке: монография / под ред. А. П. Чудинова. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2023.
12. Занина Е. Л., Ачкасова Н. Н. К вопросу об интенциональной структуре бизнес-презентации информирующего типа (на материале английского языка) // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалистов: сб. науч. статей / отв. ред. А. Н. Гарбалев. Брест: Брестский гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2013.
13. Карасик В. И. Коммуникативная тональность // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. 2008. № 4.
14. Кафкова О. О роли контекста в разных типах коммуникантов // Синтаксис текста / под ред. Г. А. Золотовой. М.: Наука, 1979.
15. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969.
16. Михайлов Л. М. Коммуникативная грамматика немецкого языка. М.: Высш. шк., 1994.
17. Москальская О. И. Семантика текста // Вопросы языкознания. 1980. № 6.
18. Мощева С. В. Речевая интенция: теоретические подходы к исследованию // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». 2011. № 2 (3).
19. Никитина Т. Н., Откупщикова М. И. Актуальное членение – один из основных способов в организации текста // Материалы V Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1975. Ч. I.
20. Основы теории речевой деятельности / под ред. А. А. Леонтьева. М.: Наука, 1974.
21. Порус В. Н. Рациональная коммуникация как проблема эпистемологии // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход / отв. ред. И. Т. Касавин, В. Н. Порус. М.: Ин-т философии РАН, 2009.
22. Реунова О. И. Эллипсис как лингвистическое явление: монография. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2000.
23. Слюсарева Н. А. Категориальная основа тема-рематической организации высказывания-предложения // Вопросы языкознания. 1986. № 4.

24. Тарасова И. П. Структура смысла и структура личности коммуниканта // Вопросы языкознания. 1992. № 4.
25. Третьякова В. С. Речевая коммуникация: гармония и конфликт: монография. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2009.
26. Чахоян Л. П., Невзорова Г. Д. Коммуникативная интенция в структуре речевого произведения // Речевые акты в лингвистике и методике: сб. науч. трудов. Пятигорск: ПГПИИЯ, 1986.
27. Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа: сборник. М.: Гнозис, 1994.
28. Яковлева Э. Б. Структурно-синтаксические особенности спонтанного синергического дискурса (на материале немецкого звучащего диалогического дискурса) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 6 (848). https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_6_848_203
29. Breitholtz E. Enthymemes and Topoi in Dialogue: The Use of Common Sense Reasoning in Conversation. Leiden – Boston: Brill, 2020.
30. Carlson G. Reference // The Handbook of Pragmatics / ed. by L. R. Horn & G. Ward. Malden – Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2006.
31. Carnap R. Meaning and Necessity: A Study in Semantics and Modal Logic. Chicago: The University of Chicago Press, 1947.
32. Friedman M. Martin Buber and Mikhail Bakhtin: The Dialogue of Voices and the Word That Is Spoken // Dialogue as a Means of Collective Communication / ed. by B. Banathy, P. M. Jenlink. N. Y.: Kluwer Academic / Plenum Publishers, 2005.
33. Harman G. Anaphoric Pronouns and bound variables: Syntax or Semantics? // Language. 1976. Vol. 52. № 1.
34. Häsner B. Der Dialog. Strukturelemente einer Gattung zwischen Fiktion und Theoriebildung // Poetik des Dialogs. Aktuelle Theorie und rinascimentales Selbstverständnis / hrsg. von K. W. Hempfer. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2004.
35. Levinson S. C. Presumptive Meanings: The Theory of Generalized Conversational Implicature. Cambridge: MIT Press, 2000.
36. Merchant J. Fragments and ellipsis // Linguistics and Philosophy. 2004. № 27.
37. Sanders R. E. Strategy and creativity in dialogue // Spaces of Polyphony / ed. by C.-U. Lorda & P. Zabalbeascoa. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2012.
38. Stalnaker R. Presuppositions // Journal of Philosophical Logic. 1973. Vol. 2. № 4.
39. Stone M. Communicative Intentions and Conversational Processes in Human-Human and Human-Computer Dialogue // World Situated Language Use: Psycholinguistic, Linguistic and Computational Perspectives on Bridging the Product and Action Traditions / ed. by J. Trueswell & M. Tanenhaus. Cambridge: MIT Press, 2002.
40. Wei Chen. Ellipsis and Cognitive Semantics // Theory and Practice in Language Studies. 2016. Vol. 6. № 11. <http://dx.doi.org/10.17507/tpls.0611.10>
41. White J. R. Ellipsis as a Marker of Interaction in Spoken Discourse // Research in Language. 2013. Vol. 11. № 3.

Информация об авторах | Author information

RU

Алимурадов Олег Алимурадович¹, д. филол. н., доц.
Агиева Асият Башировна²

¹ Пятигорский государственный университет

² МАОУ Зареченская СОШ, Московская область

EN

Oleg Alimuradovich Alimuradov¹, Dr
Asiyat Bashirovna Agieva²

¹ Pyatigorsk State University

² Zarechenskaya Secondary School, Moscow Region

¹ alimuole@mail.ru, ² a.agieva@zs76.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 25.07.2025; опубликовано online (published online): 26.08.2025.

Ключевые слова (keywords): коммуникативная установка; коммуникативная интенция; информационная структура; диалогическое единство; эллиптизированная реплика; communicative attitude; communicative intention; information structure; dialogic unit; elliptical remark.